

Наследный принц Чэнь Гухуэй только что ушел, и в классе, где до этого стояла мертвая тишина, мгновенно поднялся невообразимый шум. Все наперебой, боясь опоздать, принялись доставать из своих сумок изысканные деликатесы и, полные рвения, устремились к столу Сыма Цзюньюаня, чтобы выказать ему свое расположение. Увидев это, Сыма Цзюньюань поспешно встал и со всей почтительностью и серьезностью начал отвешивать поклоны, благодаря каждого из них.

Его стол, который еще мгновение назад пустовал, в одночасье оказался завален яствами — глаза разбегались от обилия угощений. Изысканные пирожные источали дурманящий сладкий аромат, их нежная текстура казалась чем-то призрачным и невесомым. Мучные изделия были разложены в безупречном порядке, овощи и фрукты сияли яркими красками, такие сочные и свежие, что, казалось, от одного прикосновения из них брызнет сок. Нашлись даже орехи, засахаренные сливы и рассыпчатые лакомства, от одного вида которых текли слюнки.

Особого внимания заслуживали пирожные: мастерски выполненные, они поражали воображение. Одни напоминали пышные, готовые распусться цветы, другие — изящные полумесяцы; каждое из них было словно произведение искусства, вышедшее из-под руки искусного мастера. Среди фруктов красовался виноград, прозрачный и чистый, словно драгоценные камни; яблоки, красные, точно пламя; и груши, желтые, словно чистое золото. От них исходил свежий, бодрящий фруктовый аромат. Мучные изделия тоже не отставали: горячие, источающие аппетитный аромат паровые булочки; сочные пельмени с тонким тестом, вкус которых заставлял смаковать каждое мгновение; ровная, упругая лапша — от одного взгляда на это великолепие просыпался зверский аппетит.

Сыма Цзюньюань был ошеломлен таким обилием даров. Он попробовал понемногу от нескольких блюд, а затем тщательно отобрал часть угощений, чтобы отнести их своим помощникам, жившим неподалеку. Раздав гостинцы, он широким шагом направился во Дворец Чэньси.

Не успел он дойти до дворца, как Си Юань, уже ожидавший его у ворот, почтительно произнес:

— Наследный принц беспокоился, что вы еще не привыкли к здешним тропам, и велел мне встретить вас и проводить.

На самом деле Дворец Чэньси находился совсем рядом с академией, путь занимал не более пары минут неспешной ходьбы.

Когда они вошли, Сыма Цзюньюань уже собрался было совершить положенный этикет, но Наследный принц Чэнь Гухуэй, не дожидаясь, поддержал его под локоть и сказал:

— Братец, мы же договаривались, что в будущем не нужно стольких формальностей.

Тогда Сыма Цзюньюань прямо спросил о том, что его занимало:

— Не ведаю, по какому делу вы призвали меня сегодня?

Наследный принц Чэнь Гухуэй хитро улыбнулся:

— Я позвал братца Цзюньюаня, потому что решил обучиться верховой езде. Раньше я подарил вам своего любимого скакуна, он весьма разумен. Как думаете, подойдет ли он для первых уроков?

Сыма Цзюньюань, не раздумывая, ответил, что, будучи компаньоном Наследного принца, он обязан изучать вместе с ним шесть искусств, а потому с радостью поможет ему в обучении. Однако добавил, что этот скакун норовист и вряд ли подойдет новичку. Как говорится, старый конь борозды не портит, а для первого знакомства с верховой ездой лучше отправиться на императорскую конюшню и выбрать более взрослую и покладистую лошадь. Услышав это, Наследный принц Чэнь Гухуэй остался весьма доволен. На самом деле, ему было не так уж важно, на какой лошади учиться, главное — проводить время с Сыма Цзюньюанем. Тот уже однажды обучал его верховой езде, и возможность вновь провести время вместе привела принца в восторг. Они договорились встретиться на манеже сразу после занятий.

После уроков Наследному принцу Чэнь Гухуэю еще нужно было доложить Императору о проделанной работе, поэтому он задержался. Сыма Цзюньюань переделся в костюм для верховой езды и поспешил на манеж. Однако у входа в императорские конюшни его остановила стража. Доступ сюда был разрешен только членам императорской семьи, а так как Сыма Цзюньюань был здесь человеком новым, стражники его не узнали. Он не стал злиться и, сохраняя спокойствие, решил просто подождать принца, чтобы войти вместе с ним.

Пока он терпеливо ожидал у ворот, навстречу ему, важной походкой, вышел Третий принц в сопровождении свиты высокомерных отпрысков знатных родов. Третий принц был известен своим легкомыслием и любовью к праздному образу жизни. В науках он не блистал, зато владел искусством верховой езды в совершенстве. Увидев Сыма Цзюньюаня, он оживился и направился прямо к нему. Сыма Цзюньюань, понимая, что медлить нельзя, тотчас поклонился:

— Приветствую Третьего принца.

Тот небрежно махнул рукой, разрешая выпрямиться, и заявил:

— Терпеть не могу этих пустых расшаркиваний. Слышал, на днях ты занял первое место на состязаниях в учебном лагере. Это лишь потому, что меня там не было, вот тебе и повезло. Сегодня я лично с тобой сражусь.

Сыма Цзюньюань поспешно и смиренно ответил:

— Ваши познания глубоки, а мое мастерство ничтожно. Мне не сравниться с Третьим принцем, я не достоин быть вашим противником.

Видя такую чрезмерную скромность, Третий принц лишь разозлился:

— Нечего тут разводить пустую болтовню. Посмотрим, на что ты способен на манеже! — С этими словами он, не терпя возражений, увлек его внутрь.

Когда Наследный принц вышел от Императора, наспех переоделся и примчался на конюшню, Сыма Цзюньюань и Третий принц были уже готовы. Грянула захватывающая дух скачка.

По команде судьи оба всадника ударили лошадей в бока, и те, словно молнии, рванули вперед. Сыма Цзюньюань в седле держался уверенно и величаво, крепко сжимая поводья, с непоколебимым взглядом, устремленным вперед. Третий принц не уступал: его техника была отточенной, он мастерски управлял скакуном, который неся, поднимая столбы пыли, закрывавшие небо.

На первом круге они шли вровень, ноздря в ноздрю. Ржание лошадей оглашало окрестности, а крики болельщиков гремели, подобно раскатам грома. Сыма Цзюньюань чувствовал мощь своего скакуна и его невероятную скорость — они стали единым целым. Третий принц, нервничая, то и дело пускал в ход плетель, пытаясь вырваться вперед.

На втором круге Сыма Цзюньюань начал постепенно наращивать темп. Скакун, словно понимая намерения хозяина, полетел еще быстрее, оставляя Третьего принца позади. Тот заерзал в седле, в отчаянии хлеща лошадь, но разрыв между ними становился лишь больше, превращаясь в непреодолимую пропасть.

На третьем круге Сыма Цзюньюань вырвался далеко вперед. Он мчался к финишу, сметая все преграды на своем пути. Третий принц пытался догнать его изо всех сил, но тщетно. В итоге Сыма Цзюньюань первым пересек финишную черту, одержав блестящую победу.

Зрители ликовали, осыпая победителя аплодисментами и приветственными криками. Наследный принц Чэнь Гухуэй, стоя в отдалении, с удовольствием наблюдал за этой захватывающей схваткой, и на его лице сияла довольная улыбка.

Так как этого скакуна когда-то получили в обмен на секреты шелководства, которые Государство Чэнь передало соседям, все понимали: конь этот не только бесценен, но и имеет важнейшее стратегическое значение. Поэтому, видя его, окружающие ошибочно полагали, что Сыма Цзюньюань привез его с поля боя, а не получил в качестве подношения от соседнего государства в прошлом году.

Тем временем гонка завершилась, и Третий принц впал в ярость. Столько лет он не знал поражений в верховой езде. Он и не догадывался, что его мастерство действительно было выдающимся, но в состязаниях всегда есть место случайности, и нельзя побеждать вечно. К тому же, все эти годы окружающие из почтения к его высокому статусу принца поддавались ему, а Наследный принц под защитой Императора до этого дня не участвовал в подобных опасных забавах. Все это создало у Третьего принца иллюзию, будто его мастерству нет равных в Поднебесной.